

Починка

Мастерская несрочного ремонта



МЕХАНИКА
ЭЛЕКТРИКА
МЕТАЛЛ
ДЕРЕВО
ПАМЯТЬ

ЭЛАРА КИРШ

Elara Kirsh

Починка. Мастерская несрочного ремонта

<https://litres.ru/74193673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда трещина — это место, куда наконец попадает свет.

Он умел стоять так, чтобы им любовались, — и разучился быть живым.

Матвея когда-то превратили в лицо с билборда: красивое, удобное, молчаливое. Теперь он чинит чужие вещи в дедовой мастерской у холодного апрельского моря — звонки, часы, фотоаппараты — и делает вид, что давно ничей и ни к чему не привязан.

Но люди приносят сюда не только поломки. Они оставляют на столе то, что не решаются сказать вслух. А когда мастерскую решают снести, молчать больше нельзя.

Книга о том, как страшно снова стать видимым — и как невозможно иначе.

Для тех, кто верит: сломанное не обязательно выбрасывать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31

Elara Kirsh

Починка. Мастерская несрочного ремонта

Глава 1

Дверной звонок принесли в коробке из-под зефира.

Коробка была розовая, с нарисованной клубникой и жирным пятном в углу. Внутри, на старой газете, лежали кнопка цвета засохшей горчицы, моток провода, два винтика и сам звонок — пластмассовый, треснувший сбоку, такой, какие раньше висели в панельных подъездах и звонили не мелодией, а коротким злым треском.

— Он не работает двадцать лет, — сказала женщина. — Но вы почините. А то вдруг кто-нибудь придёт.

Она стояла у стойки и держала сумку двумя руками. Пальто было застёгнуто не на те пуговицы, берет съехал набок, на ногах — резиновые тапки поверх шерстяных носков. С утра моросило, и от двери тянуло морем и холодом.

Савелий Ильич наклонился над коробкой.

Перед тем как взять вещь, он всегда слушал её. Не ухом даже — всем лицом. Склонял голову, шурился, шевелил пальцами в воздухе, будто ловил невидимую нитку. Люди

сперва смущались, потом привыкали. В городе к Савелию давно относились как к плохой погоде: спорить бессмысленно, но можно подготовиться.

— Звонок, — сказал он.

— Я же говорю.

— Говорите. Мне не для вас. Мне для него.

Матвей стоял у окна, спиной к улице. Так он вставал всегда, если в мастерской были чужие. Из окна было видно тротуар, лавку у аптеки, кусок серого моря между домами и всех, кто проходил мимо. А если видно тебе — значит, видно и тебя.

Он потянулся к коробке, но Савелий шлёпнул его по руке линейкой.

— Перчатки.

— Да тут звонок, дед.

— И что?

Матвей молча взял с полки тонкие серые перчатки. На правой ладони уже расплзалась дырка, но выкинуть их он не мог: вещь ещё держалась. Он надел перчатки, подцепил провод, посмотрел на окисленные контакты.

— Старый совсем.

— Я тоже старая совсем, — сказала женщина.

Савелий хмыкнул.

В мастерской пахло паяльником, морской солью, старой пылью и дешёвым растворимым кофе, который Матвей терпеть не мог, но каждое утро всё равно заваривал деду. В уг-

ду тикали часы. Одни спешили, другие отставали, третьи тянули секунды так, будто собирались умереть после каждого щелчка.

Женщина смотрела не на звонок. На Матвея.

Кожа на шее привычно сжалась под воротом худи.

— Вы у Савелия кто будете?

— Руки, — ответил дед.

— Как это?

— У меня голова, у него руки. Пока работают.

— Внук, — сказал Матвей, не поднимая глаз.

Женщина прищурилась.

— Ронин?

— Матвей.

— Я тебя маленьким помню. Ты у отца на плече сидел, когда ярмарка была. На тебе ещё кепка была с уткой.

Матвей промолчал.

В городе все кого-нибудь маленьким помнили. Это была не память, а способ держать человека за шиворот: не вздумай вырасти слишком далеко от того, каким мы тебя видели.

Савелий открыл толстую тетрадь в клеёнчатой обложке. На обложке когда-то были ромашки, теперь — серые пятна от пальцев. Он написал дату, потом фамилию женщины, но после второй буквы остановился.

— Зинаида... как вас?

— Петровна.

— Фамилия.

— Невзорова. Господи, Савелий, ты мне сорок лет утюг чинил.

— Утюг помню. Фамилию нет.

Он сказал это так спокойно, что Матвей почти поверил: ничего страшного.

Почти.

Савелий повёл ручкой дальше и записал:

Звонок дверной. Не звонит двадцать лет. Ждёт.

— Не надо вот этого, — сказала Зинаида Петровна. — Я не просила поэму.

— Я не для вас.

— А для кого?

— Для него.

Савелий кивнул на звонок.

Зинаида Петровна поджала губы.

— Вы бы лучше цену сказали.

— После диагностики.

— А если дорого?

— Выбросите.

Она прижала сумку к животу.

— Не выброшу.

— Вот поэтому и принесли.

Матвей спрятал улыбку. Не вышло. Зинаида Петровна заметила и вдруг тоже улыбнулась — коротко, виновато, будто улыбка у неё была вещью не первой необходимости.

— Он у меня висел в старой квартире, — сказала она ти-

ше. — Сын ставил. Сам. Проводку потом электрик переделывал, но кнопку он сам прикрутил. Криво. Вечно пальцем попадать надо было вот сюда, в угол. Иначе не звонил.

Она показала костлявым пальцем на трещину.

— Сын сейчас где? — спросил Савелий.

— В Германии.

— Звонит?

— По телефону звонит.

— А в дверь?

— Савелий, ты с годами стал совсем противный.

— С годами все становятся честнее. А вы это путаете с противностью.

Матвей снял крышку звонка. Пластмасса хрустнула. Он замер.

— Не долмай, — сказала Зинаида Петровна.

— Я ещё не начал.

Он хотел ответить резче, но Савелий кашлянул. Не громко. Достаточно. Матвей выдохнул через нос. С чужими вещами у него получалось лучше, чем с чужими голосами. Особенно когда в голосе было недоверие.

Дверной колокольчик над входом звякнул.

Не звонок Зинаиды Петровны — их собственный, старый, латунный, подвешенный на тёмной леске. Его когда-то нашёл отец Матвея на списанном судне и принёс Савелию: «Пусть у тебя в мастерской будет как на корабле». Колокольчик звенел не как магазинный. У него был короткий морской

звук.

В дверях стоял мальчишка лет четырнадцати. Тощий, в огромной куртке с чужого плеча, с телефоном в руке. Телефон был направлен прямо на мастерскую.

— Не снимай, — сказал Матвей.

— Я не тебя. Я для канала. «Старые места нашего города». У меня рубрика. Рони, ну ты чего?

Зинаида Петровна обернулась.

— Рони?

Матвей не ответил. Он просто повернулся к окну — спиной, лицом в стекло. В кадре осталась бы чёрная толстовка и затылок. Пустое место.

Артём подержал телефон ещё секунду и опустил сам. Снимать спину было неинтересно.

— Я Савелия Ильича искал вообще-то, — буркнул он. — У меня зарядник. Провод отходит.

— Купи новый.

— У меня денег нет.

— Значит, ходи без зарядника.

— Матвей, — сказал Савелий.

Одно слово. Без нажима.

Матвей почувствовал, как в груди поднимается знакомая злость. Мальчишка был ни при чём. Телефон был ни при чём. Но стоило увидеть чёрный глаз камеры, пусть даже дешёвой, с треснувшим стеклом, тело решало быстрее головы: сейчас тебя возмут. Сейчас отрежут кусок. Сейчас выложат,

подпишут, обсудят.

— Я не снимал, — буркнул мальчишка. — Там даже память закончилась.

— Очень жаль.

— Кирилл, — позвал Савелий. — Иди сюда. Зарядник показывай.

— Я не Кирилл.

Савелий замер.

На секунду в мастерской стало слышно всё: дождь по жестяному отливу, далёкий автобус у остановки, тиканье часов, дыхание Зинаиды Петровны.

— Я Артём, — сказал мальчишка.

Савелий моргнул.

— Я так и сказал.

— Нет, вы сказали...

— Не спорь со старшими, а то состаришься раньше.

Артём покосился на Матвея. Взгляд у него был не злой. Скорее осторожный. Как у собаки, которую уже много раз прогоняли, но она всё равно пришла к тому же подъезду.

Матвей отвернулся первым.

— Клади на край стола. Только телефон убери.

Артём сунул телефон в карман и достал зарядник. Белый провод был перемотан синей изолентой, у вилки торчала медная волосинка.

— Это не чинить, это хоронить, — сказал Матвей.

— У меня от него всё заряжается.

— Пока не сгорит.

— Ну так почините, чтобы не сгорело.

Зинаида Петровна фыркнула.

— Умный мальчик.

— Умные мальчики не лезут пальцами в оголённый провод, — сказал Матвей.

— А красивые мальчики не хамят старшим, — отрезала она.

Матвей поднял глаза.

Ошиблась она случайно. Просто сказала первое, что пришло. Но слово попало точно туда, куда всегда попадало.

Красивые.

У него под кожей будто щёлкнул старый выключатель.

— Тогда вам не ко мне, — сказал он сухо. — Я тут не для красоты.

Он снял перчатки и бросил их на стол.

— Я на склад.

— На какой склад? — спросил дед.

— На тот самый.

— У нас нет склада.

Матвей остановился.

Савелий смотрел на него раздражённо, почти сердито. Будто это Матвей сказал глупость. Будто это он придумал склад, которого не было.

Потом лицо деда изменилось. Не сильно. Чужой бы не заметил. А Матвей увидел, как у Савелия на секунду пропала

злость и остался голый страх.

— Я в кладовку, — сказал Матвей мягче. — За коробкой контактов.

— Так бы и говорил.

Савелий снова открыл журнал.

В кладовке было тесно, холодно и пахло железом. На полках стояли банки с винтами, коробки от обуви, старые чайники, ручки от шкафов, два радиоприёмника без антенн, детский самокат с отломанным колесом и одинокая фарфоровая голова куклы с закрывающимися глазами. Если дёрнуть полку, глаза открывались. Матвей в детстве её боялся. Теперь тоже не любил.

Он упёрся ладонями в стол и опустил голову.

С утра всё было нормально.

Он проснулся в шесть, когда город ещё притворялся пустым. В несезон это было легко: мокрые улицы, закрытые киоски, стулья в кафе перевёрнуты ножками вверх, вывески с мороженым выцвели после прошлогоднего солнца. Курортный городок до мая выглядел так, будто его забыли разобрать после спектакля.

Матвей любил его именно таким.

Летом море становилось общественным. На него смотрели через телефоны, полотенца, надувные круги, детские визги, продавцов кукурузы и девушек в блестящих купальниках. Летом море принадлежало всем.

А в апреле оно было его.

Он шёл к нему каждое утро. Не бегал — ходил. В старой чёрной толстовке, капюшон на голове, кроссовки промокали у кромки воды.

Иногда заходил по колено, иногда раздевался до плавок и лез в холодную воду, от которой сводило зубы и сразу становилось ясно: ты ещё живой, даже если вчера в этом сомневался.

Холод первым хватал за рёбра. Потом за плечи. В воде тело переставало быть картинкой. Оно становилось работой: вдох, гребок, поворот головы, тяжесть мышц, послушная боль в руках.

Это ему нравилось.

С телом, которое трудится, было проще жить.

Сегодня он плавал долго. Море было свинцовое, тяжёлое, без курортной открытки. У берега качалась пластиковая бутылка, и чайка долбила клювом пакет от чипсов. Никакой красоты. Поэтому честно.

Когда он вышел, на бетонном парапете сидела Ася Ветрова.

В тёмной шапке, в длинном пальто поверх спортивного костюма, с термосом в руках. Волосы влажные у висков. Она тоже плавала — он понял по тому, как она сидела: собранно, ровно, будто тело ещё помнило холод.

— Ты занял моё море, — сказала она.

Матвей выжал воду из волос. Капли стекли по шее, пропали под воротом старой толстовки. Ткань легла на мокрые

плечи, прилипла к спине, и он вдруг стал слишком заметным для пустого апрельского пляжа: высокий, собранный, с телом человека, который много лет учился держать удар и теперь делал вид, что ему это просто удобно.

Ася смотрела не так, как смотрели приезжие летом. Не с липким интересом, не с торопливой оценкой, от которой хотелось натянуть капюшон до подбородка.

Она смотрела будто проверяла: сколько в нём осталось того мальчишки, который когда-то бегал по этому же берегу босиком и врал, что ему не холодно.

— Море большое, — сказал он.

— Мужчины всегда так говорят, когда занимают чужое.

Он взял полотенце из рюкзака.

— Я тебя не видел.

— Я заметила.

Ася вообще редко смотрела в сторону. В школе это выводило из себя учителей, парней, продавщиц и его самого. Взгляд у неё был не наглый, а точный. Как нож для бумаги: вроде не опасный, пока не проведёшь пальцем.

— Давно плаваешь? — спросил он.

— Давно.

— Я раньше не видел.

— Ты многое раньше не видел.

Он натянул толстовку на мокрую спину. От холодной ткани передёрнуло.

— Начинается?

— Нет, Ронин. Это ещё даже не начиналось.

Она отвернулась к морю и отпила из крышки термоса.

Матвей ушёл первым.

После моря была качалка — полуподвальное помещение за бывшим кинотеатром «Чайка», где пахло резиной, потом, старым линолеумом и упрямой попыткой хоть где-то быть сильными. Тренажёры скрипели. Плакаты на стенах выцвели.

— Рони! — крикнул Денис со скамьи для жима. — Подстрахуешь?

Матвей молча подошёл и встал у изголовья. Денис взялся за гриф. Штанга пошла вниз, потом вверх — тяжело, с перекошенным лицом и упрямством, с которым в этом зале поднимали не железо, а всё, что не получалось поднять в жизни.

Матвей держал руки рядом, не касаясь. У него вообще хорошо получалось быть рядом и не касаться. Мышцы под чёрной футболкой двигались коротко и точно, без показухи. Он не любовался собой в зеркале, не проверял, смотрят ли на него. Зеркал он избегал даже здесь, где мужчины приходили именно за тем, чтобы наконец посмотреть на себя с уважением.

Когда Денис не вытянул последний повтор, Матвей подхватил гриф и вернул на стойки.

— Ненавижу тебя, — выдохнул Денис.

— За что сегодня?

— За то, что ты даже не вспотел.

— Я утром в море вспотел.

— В море не потеют, Рони.

— Значит, плохо плавал.

Денис был из тех, кто к сезону оживал: зимой таксовал, весной красил чужие заборы, летом сдавал туристам комнату бабушки и влюблялся каждые две недели в новую девушку из Воронежа, Казани или Нижнего. В сентябре все уезжали, Денис неделю пил пиво на лавке у аптеки и показывал переписки, где ему писали: «Я никогда тебя не забуду». К ноябрю забывали обе стороны.

Матвей с такими историями не спорил. Он только знал, что женские взгляды бывают разными: одни гладят, другие примеряют, третьи сразу ставят цену. В Москве его научили различать это быстрее, чем здороваться.

— Слышал, Ларка приехала, — сказал Денис, возвращая штангу на стойки.

— Какая Ларка?

— Белова. Она сейчас там как-то по-мужниному. На белом джипе. Тебя спрашивала.

— Тебе показалось.

— Мне редко кажется.

С соседнего тренажёра хмыкнул Паша, которого все звали Курорт: он знал расписание приезда одиноких женщин лучше, чем мэрия — расписание автобусов.

— Лара теперь смотрит так, будто заранее купила.

— Что купила? — спросил Матвей.

— Всё. Город маленький. Купить можно по частям.

Матвей тогда промолчал. Лара Белова была из школьной жизни, а школьную жизнь он держал в том же ящике, что и московскую: закрытым, без ручки, подальше от света.

Но сейчас, стоя в кладовке мастерской, он вспомнил белый джип. Утром, когда шёл от моря, видел его у набережной. В переднем окне сидела женщина в светлом пальто и смотрела на старые дома у спуска.

Не на море.

На дома.

Матвей тогда не стал всматриваться. Он умел не узнавать людей, если очень хотел.

Из мастерской донёсся голос Савелия:

— Матвей!

Он взял коробку с контактами и вернулся.

Артём сидел на табурете у двери. Зинаида Петровна уже устроилась на стуле возле батареи, сумку положила на колени и гладила ручки, как кошку.

Савелий держал звонок в руках.

— Тут дело не в контактах, — сказал он.

— А в чём?

— В... — он нахмурился. — В этой штуке.

Матвей посмотрел.

— В катушке?

— Сам знаю, что в катушке.

Но он не знал. Это было видно.

— Катушка, — повторил Матвей тихо.

— Я сказал.

Савелий положил звонок на стол.

— Провод перегнил. Кнопка дрянь. Корпус треснул. Чинить можно, но смысла мало.

Зинаида Петровна сразу выпрямилась.

— Как это мало?

— Новый дешевле.

— Мне новый не надо.

— Я не сказал, что не буду. Я сказал — смысла мало.

— А я не за смыслом к вам пришла.

Савелий посмотрел на неё и неожиданно улыбнулся.

— Вот это правильно.

Он снова взял ручку и дописал:

Не менять. Чинить старое. Смысл у хозяйки.

Матвей увидел строчку и почувствовал раздражение. Дед будто всё время вытаскивал из людей то, что они сами прятали. Нагло, без разрешения. И ему прощали — потому что он старый, потому что чинил, потому что редко ошибался.

Матвею не прощали ничего. Даже молчание.

Колокольчик снова звякнул.

Вошёл мужчина в серой куртке, с пакетом из супермаркета. Пакет был мокрый снизу.

— Савелий Ильич, чайник посмотрите? — Он поставил на стойку дешёвый пластиковый электрочайник, белый, с зелёной кнопкой, весь в накипи. — Только быстро, а то жена

убьёт. Я ей сказал, что новый куплю, а она: «Ты сначала этот добей». Ну я и добил.

Из пакета вытекла вода.

Матвей закрыл глаза.

— На стол не надо было.

— А куда?

— Себе в карман.

Мужчина моргнул.

— Он током бьёт, кстати.

— Тогда руками не трогайте.

— Я не дурак.

— Все вы так говорите до ожогового, — сказала Зинаида Петровна.

Артём прыснул.

Савелий записал чайник на отдельной странице:

Чайник. Бьёт током. Хозяин тоже.

Матвей заметил и всё-таки улыбнулся.

Мастерская жила именно так: не красивыми винтажными историями, а мокрыми пакетами, скандальными чайниками, треснутыми кнопками, людьми, которым было стыдно признаться, что они принесли хлам не из экономии, а потому что не могли выбросить ещё одну часть собственной жизни.

К одиннадцати дождь усилился. Окно запотело. За стеклом расплылись фигуры прохожих. В мастерской стало тесно от запахов: мокрая шерсть, пыль, паяльник, дешёвый табак от куртки чайникового мужчины, мята из термоса Зина-

иды Петровны.

Савелий разобрал дверной звонок. Матвей занимался зарядником Артёма.

— Сколько будет? — спросил мальчишка.

— Нисколько. Я его не чиню. Делаю так, чтобы ты им не сжёг квартиру.

— Так он будет работать?

— Нет.

— Тогда смысл?

Матвей поднял на него глаза.

— Иногда смысл в том, чтобы вовремя перестать пользоваться тем, что может тебя убить.

Артём задумался.

— Это типа мудрость?

— Это типа техника безопасности.

Мальчишка помолчал секунд семь.

— А можно я потом сниму, как вы часы чините? Не лицо. Руки.

Матвей положил кусачки.

— Руки — потом. Сначала научись смотреть без экрана.

— У меня канал маленький. Я правда не ради денег. У меня там девяносто три подписчика. Какие деньги?

Артём покраснел и стал возиться с молнией на куртке.

Матвей отвернулся к столу.

Савелий не вмешался. Это было хуже.

— Слушай, Артём. Зарядник выброси. Я тебе провод дам.

Не новый, но нормальный.

— А для рубрики?

— Сними море.

— Море все снимают.

— Сними урну у моря. Её никто не снимает.

Артём неожиданно усмехнулся.

— У меня так подписчики отпишутся.

— Все девяносто три?

— У меня уже девяносто четыре.

— Тогда береги.

Зинаида Петровна вдруг сказала:

— Я бы посмотрела.

Все повернулись к ней.

— Урну у моря, — пояснила она. — Все снимают море так, будто оно им что-то обещало. А оно ничего не обещает. Мусор обратно выкидывает — и всё.

Артём посмотрел на неё с уважением.

— Можно я вас процитирую?

— Нет. Мне не четырнадцать, чтобы радоваться, что меня кто-то выставил в интернет.

Матвей почти рассмеялся, но удержался.

Савелий прикрутил маленький винт, потом потянулся к полке.

— Матвей, дай мне... ну это. Которым держат.

— Пинцет?

— Нет.

— Зажим?

Савелий показал пальцами движение. Слово стояло где-то рядом. Он почти дотягивался, но оно не давалось.

— Отвёртка? — подсказал Артём.

— Я похож на человека, который забыл слово «отвёртка»?

— Сейчас похожи.

Зинаида Петровна ахнула. Матвей резко посмотрел на мальчишку, но Савелий вдруг засмеялся.

— Наглый.

— Я не специально.

Матвей взял с полки маленькую струбцину.

— Это?

Савелий смотрел на неё долго.

— Она. Конечно, она.

Но пальцы у него дрожали.

Матвей протянул струбцину и не сразу отпустил. Дед перехватил, крепко, почти зло.

— Не держи меня, — сказал он тихо.

Эти слова услышал только Матвей.

Он отпустил.

После обеда мастерская на час опустела. Зинаида Петровна ушла, оставив звонок и пятьсот рублей «на всякий случай», хотя Савелий велел не платить до готовности. Мужчина забрал чайник обратно, потому что без него жена действительно могла убить. Артём получил старый провод, покрутился у двери, хотел что-то сказать, но не сказал и убе-

жал под дождь.

Савелий сидел за столом и смотрел в журнал.

Матвей мыл кружки в маленькой раковине за перегородкой. Вода шла тонкой струёй, то горячей, то ледяной, как всё в этом здании: без стабильности, но с характером.

— Надо к нотариусу сходить, — сказал Савелий.

Матвей замер.

— Зачем?

— За шкафом.

— Дед.

— Что дед?

— К нотариусу зачем?

Савелий перевернул страницу журнала.

— Мастерскую надо оформить.

— Мы уже говорили.

— Значит, ещё поговорим. У меня память дырявая, но упрямство целое.

Матвей поставил кружку на сушилку.

— Не надо на меня оформлять.

— А на кого? На Артёма с его девяносто четырьмя подписчиками?

— На себя оставь.

— Я не вечный.

— Не начинай.

— А ты не заканчивай раньше времени.

Матвей вышел из-за перегородки. Влажные руки вытер о

полотенце. На левом запястье был тонкий белёсый шрам от старого ожога паяльником. Ася однажды в школе сказала, что он похож на запятую. Тогда ему было шестнадцать, и он два дня ходил счастливый от того, что у него на руке не шрам, а знак препинания.

— Я могу работать, — сказал он. — Могу вести заказы. Могу чинить. Но документы — нет.

— Потому что там имя?

Матвей молчал.

— Имя у тебя не заразное.

— Ты не понимаешь.

— Конечно. Я же старый дурак, который сорок лет чинил чужие чайники.

— Дед.

— Ты думаешь, если твоё имя не написать на бумаге, тебя не найдут? Если захотят — найдут по затылку.

Матвей подошёл к окну. На улице две женщины под одним зонтом переходили дорогу. Одна смеялась, другая держала пакет с картошкой, и из пакета торчал зелёный лук. Обычная жизнь. Нормальная. Не требующая объяснений.

— Мне не нужна эта бумажная видимость, — сказал он.

— А мастерской нужна.

— Мастерская твоя.

— Мастерская того, кто останется после меня.

— Не говори так.

— А как говорить? «Когда я уеду в санаторий»?

Матвей сжал челюсть.

Савелий закрыл журнал и постучал по нему пальцами.

— Я не ремесло тебе передаю, Матвей. Ремесло ты и так подглядел. Я тебе место передаю. А место без имени долго не живёт.

— Моё имя уже пожило отдельно от меня. Хватит.

Савелий посмотрел на него устало.

— Вот ты всё думаешь, что тебя тогда сломали. А тебя не сломали.

— Не надо.

— Знаю. Я каждый день смотрю, как ты надеваешь капюшон в помещении.

Матвей уже почти ответил. Что-то злое, точное, несправедливое. Из тех фраз, после которых в комнате долго некуда деть руки.

Но колокольчик снова звякнул.

Вошёл курьер с большим белым конвертом.

— Савелий Ильич Ронин?

— Смотря кто спрашивает.

— Вам конверт. Распишитесь.

— От кого?

— Не указано.

— Значит, ничего хорошего. Хорошее курьером не носят.

Он ткнул стилусом в экран. Получилась кривая линия.

— Раньше расписывались ручкой. По подписи человека было видно. А тут будто расписался не я.

Курьер ушёл, оставив после себя запах мокрой синтетической одежды и улицы.

Матвей смотрел на конверт. Плотная бумага. Без обратного адреса на лицевой стороне. Только название юридической фирмы в углу, сухое и дорогое.

— Открывай, — сказал Савелий.

— Может, потом.

— Потом — это любимое слово трусов.

Матвей взял нож для бумаги. Разрезал край.

Внутри было уведомление. Несколько листов, напечатанных мелким шрифтом. Матвей пробежал глазами первую страницу, вторую, вернулся к первой.

— Пишут, что здание признано аварийным.

— Кем?

— Комиссией.

— Какой ещё комиссией? У нас крыша течёт только в трёх местах. Для нашего города это почти новостройка.

Матвей читал дальше.

— Собственникам помещений предлагают явиться на собрание по вопросу расселения, оценки и дальнейшего развития участка.

— Развития, — повторил Савелий. — Хорошее слово. Когда хотят снести, говорят «развитие». Когда хотят выгнать — «оптимизация». Когда хотят забыть — «так сложилось».

Матвей перевернул лист.

Внизу, среди подписей и печатей, было название компа-

нии. Ему оно ничего не сказало. Но фамилия в скобках сказала.

Проектный куратор: Л. В. Корнеева.

Лариса.

Он почувствовал это раньше, чем понял. Как холод после моря, только изнутри.

Лара Белова после замужества стала Корнеевой.

— Что? — спросил Савелий.

— Ничего.

— У тебя лицо стало как у человека, которому в чай налили бензин.

Матвей сложил бумаги.

— Собрание через две недели.

— Вот и сходишь.

— Ты собственник.

— А ты будущий собственник.

— Нет.

Савелий медленно поднялся. За день он будто стал ниже. Или свет так упал. Матвей не любил замечать такие вещи, но замечал всё чаще.

— Слушай внимательно, — сказал дед. — Я могу забыть слово. Могу забыть, куда положил очки. Могу однажды забыть, как зовут эту вашу Лариску, которая с детства ходила так, будто ей все должны место у окна. Но я пока не забыл главное. Если ты не поставишь имя на мастерскую, его поставят другие. И им будет всё равно, что здесь чинили.

— Я не готов.

— А кто тебя спрашивает?

Матвей посмотрел на него.

— Ты.

Савелий отвернулся первым.

На столе лежал дверной звонок Зинаиды Петровны. Без крышки, с торчащими проводами, маленький, нелепый, некрасивый. Дешёвый пластик. Пожелтевший корпус. Плохая кнопка. Треснувшая крышка.

Но женщина сказала: «Вдруг кто-нибудь придёт».

Матвей вдруг понял, что ненавидит этот звонок.

Не потому, что он был сломан.

А потому, что он всё ещё ждал.

Вечером, когда Савелий ушёл наверх отдыхать, Матвей остался один.

Мастерская находилась на первом этаже старого дома, а Савелий жил над ней, в двух комнатах с видом на крышу соседней булочной. Раньше Матвей снимал угол у моря, потом дед начал забывать выключать газ, и вопрос решился сам собой. Теперь он спал в маленькой комнате за кладовкой, где зимой промерзала стена, зато было слышно, если дед вставал ночью.

Он зажёл настольную лампу. Свет лёг жёлтым кругом на стол, на звонок, на журнал заказов, на уведомление из юридической фирмы.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Дениса:

Рони, Ларка реально в городе. Сказала, что скоро тут всё будет красиво. Я спросил, а сейчас что, уродливо? Она сказала: «Некоторые места давно пора снести». Не знаю, почему посмотрела на вашу мастерскую.

Следом пришла фотография.

Белый джип у набережной. Лара в светлом пальто. Рядом мужчина в дорогой куртке, с телефоном у уха, смотрит не на неё, а куда-то в сторону. Лара улыбается так, будто уже получила подарок, который ещё не успели оплатить.

Матвей выключил экран.

В мастерской стало темнее.

Он взял перчатки. Надел. Потом снял.

Глупо.

Никого не было. Никаких камер. Никаких чужих рук. Только стол, звонок, тиканье часов и море за стенами города, которое ночью всегда казалось ближе.

Матвей подвинул к себе журнал заказов.

На последней строке дед написал про звонок:

Не менять. Чинить старое. Смысл у хозяйки.

Матвей взял ручку. Долго держал её над страницей. Потом ниже, уже своим почерком, добавил:

Проверить кнопку. Не обещать, что снова будут звонить.

Он закрыл журнал.

И в этот момент над дверью тихо звякнул колокольчик.

Матвей резко поднял голову.

На пороге никого не было.

Дверь закрыта. Замок повернут. За стеклом — пустая улица, мокрый фонарь, отражение его собственного лица в тёмном окне.

Он терпеть не мог отражения. Особенно внезапные.

На секунду показалось, что из стекла на него смотрит тот самый парень с билборда: моложе, гладче, пустее. Тот, за которого когда-то всё решили. Куда смотреть. Как стоять. Что молчать.

Матвей шагнул к двери и поправил колокольчик. Леска перетёрлась. Вот и весь мистический ужас. Обычная мелкая поломка.

Он усмехнулся.

— Дождлся, — сказал он звонку.

Потом взял отвёртку, сел за стол и начал чинить.

Глава 2

Глава 2. Фотоаппарат

Фотоаппарат принесли в чехле, который пах мокрой кожей, чужим шкафом и вагонной пылью.

Чехол был коричневый, потёртый на углах, с ремешком, перетянутым чёрной ниткой. Такие вещи обычно выглядели важнее своих хозяев: лежали на столе молча, но с видом, будто пережили больше, чем все присутствующие.

Женщина, которая его принесла, выглядела иначе.

На ней был тёмный плащ без пояса, белые кроссовки с серой апрельской грязью по краям и шарф, завязанный на бегу. Волосы — короткое каре, взъерошенное от ветра. Лицо усталое, не курортное. Не из тех лиц, которые приезжают к морю пить кофе на террасе и фотографировать чайку на фоне заката.

Она вошла, стряхнула с плеча капли дождя, посмотрела на часы, на стеллажи, на стол, на Савелия Ильича, потом на Матвея.

И на секунду задержалась.

Матвей заметил.

Он сидел за рабочим столом и допаивал проводку дверного звонка Зинаиды Петровны. К утру звонок уже перестал выглядеть мёртвым, но живым до конца ещё не стал. Пласт-

массовая крышка лежала рядом, винтики — в блюде с отколотым краем. Савелий велел не торопиться: «Если двадцать лет ждал, ещё полдня потерпит».

Матвей поднял глаза ровно настолько, чтобы понять: незнакомая.

И сразу опустил.

Незнакомки в городе делились на три вида. Одни спрашивали дорогу до моря. Вторые знали дорогу до моря, но всё равно спрашивали, чтобы заговорить. Третьи смотрели так, будто уже что-то о тебе знают.

Эта была из третьих.

— Добрый день, — сказала она. — Это мастерская Савелия Ронина?

— Да. Это я, — сказал Савелий, не отрываясь от лупы. — Что принесли?

Женщина поставила чехол на стойку.

— Фотоаппарат.

Савелий поднял голову.

— Новый купить дешевле.

— Я ещё не сказала, что с ним.

— А я уже почти знаю.

Матвей спрятал улыбку в ворот худи.

Женщина расстегнула чехол. Внутри лежал старый плёночный фотоаппарат — чёрный, тяжёлый, с потёртым серебристым верхом. Не музейный красавец для витрины. Рабочая вещь. На корпусе была царапина, возле объектива —

след от старого удара, а ремешок пах табаком, хотя сама женщина не курила.

Савелий протянул ладонь, но остановился.

— Матвей.

Матвей молча взял с полки перчатки и надел их.

Женщина заметила это, но ничего не спросила. Только внимательнее посмотрела на его руки.

Он перенёс фотоаппарат на рабочий стол, расстелил под ним мягкую ткань и снял объектив. Делал всё аккуратно, без спешки: большой палец придержал кольцо, указательный поймал резьбу, кисть повернула точно, с коротким усилием, которое не ломает старую вещь окончательно.

— Что с ним? — спросил он.

— Затвор заедает. Иногда кадр срабатывает, иногда нет. Плёнку перематывает через раз. И внутри что-то хрустит.

Матвей поднял глаза.

— Роняли?

Женщина помолчала.

— Один раз. На лестнице. Я успела поймать ремень, но он ударился о перила.

— С этого надо было начинать.

— Я не думала, что это важно.

— Для вас — нет. Для него — важно.

Он снова посмотрел на корпус. Возле объектива была свежая царапина. Удар пришёлся туда, где внутри и без того всё держалось на честном слове.

Савелий открыл журнал.

— Фамилия?

— Одинцова.

— Имя?

— Лика.

— Полное?

— Анжелика. Но я им не пользуюсь.

Савелий не стал комментировать. Только записал:

Фотоаппарат. После падения. Затвор заедает. Хозяйка сказала не сразу.

Лика прочитала строку и отвела взгляд.

— Справедливо.

Матвей снял заднюю крышку. Внутри пахло старой плёнкой и металлом. Он проверил затвор, осторожно повернул кольцо перемотки. Механизм отвечал неровно: не мёртвый, но упрямый.

Лика стояла рядом и смотрела.

Не на лицо.

На руки.

Матвей заметил это почти сразу. Руки он переносил легче, чем взгляд в глаза, но это не значило, что их можно рассматривать сколько угодно.

— Быстро починить не получится.

— Мне не нужно быстро.

— Все так говорят, а потом приходят два раза в день.

Лика не стала спорить.

— Я оставлю его на сколько потребуется.

Он уже собирался записать срок, когда она открыла сумку и достала сложенный лист с печатью. Положила на край стойки, не придвигая ближе.

Матвей увидел печать и перестал писать.

— Это что?

— Разрешение от городского отдела культуры.

— На что?

Лика убрала руку с бумаги не сразу.

— Я снимаю документальный цикл о ремёслах в маленьких городах. В музее мне сказали, что у вас одна из последних мастерских, где ещё ремонтируют старые механизмы, а не отправляют людей покупать новое.

Савелий поднял голову.

— В музее сказали?

— Да. И в отделе культуры.

Матвей смотрел на лист с печатью.

Печати он не любил почти так же, как камеры. Печать всегда означала, что кто-то уже решил, где тебе быть, как называться и в каком виде тебя можно показывать другим.

— Нет, — сказал он.

Лика повернулась к нему.

— Я не прошу снимать сейчас.

— Я сказал нет.

Она аккуратно сложила лист.

— Поэтому я и не достала камеру. Сначала хотела починить фотоаппарат. Потом — спросить. Если вы против, я не буду снимать.

Матвей не поверил ни одному спокойному слову.

Не потому, что она врала. Хуже. Потому что она могла говорить правду и всё равно ранить.

— Здесь не съёмочная площадка, — сказал он. — И Савелий Ильич не материал для сюжета.

Лица кивнула.

Её согласие раздражало сильнее возражений. С давлением было проще: можно было упереться и не двигаться. А она не давила.

Савелий положил ручку на журнал.

— Матвей, я сам могу сказать, хочу я сниматься или нет.

— Дед.

— Не перебивай.

Матвей замолчал.

Лица перевела взгляд на Савелия.

— Я не буду снимать вас без отдельного согласия. И без согласия Матвея тоже.

— Его особенно, — сказал Савелий.

Матвей резко посмотрел на него, но дед уже снова листал журнал.

— Не надо списка условий, — сказал Савелий, не поднимая головы от лупы. — Женщина принесла фотоаппарат, а не привела съёмочную группу.

Матвей промолчал. То, что дед за него вступился, злило сильнее самой камеры: выходило, его нужно придерживать, как собаку у чужого забора.

Матвей снова взял фотоаппарат.

— Ремонт — да, — сказал Матвей. — Съёмка — нет. Савелий Ильич сам решит за себя, но меня в кадре не будет. — Он бросил на Лику короткий взгляд.

— Ремонт возможен, но нужна деталь. Пружина слабая. Затвор можно оживить, но ненадолго. Надо искать донора.

— Такой же аппарат?

— Да. Такой же, только уже мёртвый.

— У меня есть второй корпус. В гостинице. Могу принести.

— Принесите завтра.

Он записал это в журнал.

Лица стояла спокойно. Не обижалась, не оправдывалась, не пыталась понравиться Савелию. Это тоже настораживало.

— Фотоаппарат оставляете?

— Оставляю. — Она на секунду замолчала, думая, стоит ли продолжать.

— Я им снимаю на плёнку, — сказала она после паузы. — Для себя. Не для проекта.

— Зачем?

Вопрос вырвался сам. Матвей не любил спрашивать людей «зачем». Обычно они начинали отвечать честно, а разговор мог затянуться надолго.

Ли́ка провела пальцем по краю чехла.

— Цифра слишком легко всё прощает. Удалил — и будто не было. Плёнка не прощает. Снял плохо — живи с этим кадром.

Матвей хотел сказать, что плёнка тоже врёт. Просто делает это красивее. Но промолчал.

Колокольчик над дверью звякнул.

Вошёл Артём.

Без телефона в руке. Это уже было событие.

— Я не снимаю, — сказал он сразу.

— Поздравляю.

— Я просто шёл мимо.

Артём насупился, но взгляд его уже уехал к Лике. К её плащу, сумке, фотоаппарату на столе. Он узнал в ней человека из мира, где можно снимать что-то настоящее.

— Вы фотограф? — спросил он.

— Иногда.

— А видео снимаете?

— Чаще.

— Я Артём.

— Ли́ка.

— У меня канал.

— У него девяносто четыре подписчика, — сказал Матвей. — Осторожно, это уже власть.

— Девяносто шесть, — буркнул Артём.

Савелий поднял брови.

— Быстро плодитесь.

— Я вчера урну снял, — сказал Артём. — У моря. Как вы сказали. Там чайка пакет вытаскивала. Сто двадцать просмотров.

Зинаиды Петровны не было, но её фраза будто осталась в мастерской и продолжила жить своей жизнью.

Лица заинтересовалась.

— Почему урну?

Артём пожал плечами.

— Все снимают море. А мусор оно обратно выкидывает.

— Это ты сам придумал?

— Нет, одна бабушка сказала. Она не разрешила её цитировать.

— Умная бабушка.

Матвей забрал у Артёма старый провод, который тот, видимо, принёс показать.

— Работает?

— Работает.

— Тогда зачем пришёл?

Артём замялся. Но ничего не ответил. Потоптался с ноги на ногу. И вышел так быстро, будто если задержится, то скажет что-то лишнее.

Матвей смотрел ему вслед.

Колокольчик снова звякнул.

На этот раз вошла Ася.

Она внесла с собой холод улицы, запах мокрой шерсти и

музейную аккуратность. В руках у неё был прямоугольный деревянный ящик с латунной ручкой, перевязанный ремнём. Пальцы в тонких перчатках. Волосы собраны кое-как, несколько прядей выбились у висков. Пальто расстёгнуто, под ним тёмный свитер с маленькой дыркой возле манжеты.

Матвей почему-то заметил эту дырку сразу.

Утром на море она казалась частью берега: резкая, холодная, своя. Здесь, в мастерской, она выглядела человеком, который пришёл не просить, а требовать.

— Здравствуйте, Савелий Ильич.

— Ася Ветрова, — сказал Савелий. — Музейная девочка.

— Мне двадцать девять.

— Я не про возраст. Я про диагноз.

Она поставила ящик на стойку.

Лица обернулась.

Две женщины посмотрели друг на друга.

Матвей почувствовал это как смену давления перед дождём.

— Я вам не помешала? — спросила Ася.

Вопрос был обращён вроде бы ко всем, но попал в Лику.

— Я с фотоаппаратом, — сказала Лица. — Клиент.

— А я с барометром. Тоже клиент.

Матвей подошёл к ящику.

— Что там?

— Барометр с паровой станцией. Из фондов. Стрелка врёт, корпус люфтит, стекло родное. Не разбить.

— Спасибо за доверие.

— Я принесла Савелию Ильичу.

Он расстегнул ремень резче, чем нужно. Ася перехватила ящик.

— Не драматизируй.

Она открыла крышку сама.

Внутри лежал латунный барометр — тяжёлый, круглый, с мутноватым стеклом и потемневшим ободком. На циферблате старые надписи: «Ясно», «Переменно», «Дождь», «Буря». Стрелка зависла между «Переменно» и «Дождь».

— Красивый, — сказала Лика.

Ася покосилась на неё.

— Для него это не главное.

— Я не говорила, что главное.

— Обычно говорят.

— Я обычно снимаю людей, которые не любят, когда их называют красивыми.

Матвей поднял голову.

Слишком быстро.

Лика поняла, что сказала не то. Ася посмотрела сначала на Лику, потом на Матвея.

И тоже всё поняла.

В мастерской снова стало слышно часы.

— Барометр, — сказал Савелий. — Давайте про барометр. Красивых людей мы сегодня уже обсудили.

Матвей аккуратно вынул прибор. Латунь была холодная,

тяжёлая. Он всегда любил такие вещи за честность веса: если вещь тяжёлая, она не притворяется лёгкой.

— Кто лазил внутрь?

Ася поджала губы.

— Практикант.

Он повернул барометр боком. Винты были сорваны.

— Его не ремонтировали. Его пытали.

— Я поэтому и принесла.

Матвей поставил барометр рядом с фотоаппаратом. Две вещи оказались на одном столе: одна ловила свет, другая — давление. Обе ввали, когда внутри что-то сбивалось.

Он почти подумал это красиво, но вовремя остановился. Опасно было думать красиво рядом с Ликой. Она могла услышать.

— Сегодня не сделаю, — сказал он Асе.

— Я и не просила сегодня.

Она сняла перчатки. На указательном пальце был тонкий след клея, возле ногтя — маленький порез.

— Его нужно осмотреть при мне. По правилам фондового хранения.

— Тогда стой и смотри.

Савелий потер руки.

— Прекрасно. Одна снимает, другая смотрит, третий делает вид, что ему всё равно. Можно продавать билеты.

— Я не снимаю, — сказала Лика.

— Пока, — сказал Матвей.

— Пока, — согласилась она.

И это почему-то прозвучало честнее, чем если бы она начала оправдываться.

Телефон Лики завибрировал в кармане плаща. Она посмотрела на экран и сбросила звонок. На мгновение Матвей увидел имя: Глеб продюсер.

— Что-то срочное? — спросил Савелий.

— У него всегда срочно. Поэтому нет.

Ася посмотрела на неё уже иначе. Не мягче, но внимательнее. В городе усталость приезжих обычно раздражала: они уставали от возможностей, от перелётов, от выбора кофе. Местные уставали от другого: больных матерей, маленьких зарплат, закрытых отделений, чужих летних денег и зимней пустоты.

Но усталость всё равно иногда узнавала усталость.

— Вы надолго? — спросила Ася.

— Не знаю.

— Все приезжие так говорят.

— Тогда пока не пойму, зачем приехала.

Ася ничего не ответила.

Матвей снял заднюю крышку барометра. Внутри пахло металлом, пылью и немного плесенью. Он наклонился ниже, и худи сползло с затылка.

Лица заметила.

Ася тоже.

Он выпрямился и натянул капюшон обратно.

— Можно без этого? — спросила Ася.

— Без чего?

— Без монастыря на голове.

— Можно без комментариев?

— Нельзя. Я с барометром.

Савелий внимательно посмотрел на Лику, потом на фотоаппарат.

— Это чей?

— Был отцовский.

— Отец жив?

Лица застегнула и расстегнула пуговицу на плаще.

— Да.

— Тогда почему был?

— Потому что он больше не снимает.

— Руки?

— Нет. Интерес.

Савелий помолчал.

— Это хуже.

Лица кивнула.

— Я знаю.

Можно было спросить дальше — почему перестал, почему она взяла аппарат. Он не спросил.

Чужие причины — как старые механизмы: открыл из любопытства, а потом сиди и собирай.

Ася обошла стол и встала рядом с барометром. Не рядом с Матвеем — с вещью. Но расстояние всё равно сократилось.

От неё пахло морем, музейной пылью и чем-то травяным.

Матвею вдруг вспомнилось утро: капли на её висках, тёмная шапка, голос: «Ты многое раньше не видел».

— Что с матерью? — спросил он тихо.

Ася посмотрела на него.

— Сегодня узнала меня. Вчера нет.

— А ты?

— Что я?

— Ты сегодня её узнала?

Ася усмехнулась, но без радости.

— Ронин, если это была попытка разговаривать по-человечески, то у тебя прогресс.

Ли́ка отвела взгляд. Сюда ей нельзя.

— Барометр заберу на неделю, — сказал Матвей.

— На три дня.

— Неделю.

— У меня акт передачи на три дня.

— Тогда продлишь акт.

— Ты всегда был таким наглым?

— Нет. Раньше хуже.

— Неправда. Раньше ты был молчаливый и думал, что это загадочность.

Ли́ка тихо рассмеялась.

Савелий захлопнул журнал.

— Всё. Ли́ка Анжеликовна, фотоаппарат оставляйте. Ася

музейная, барометр оставляйте. Будем работать.

Ли́ка задержала взгляд на Матвее. На этот раз не спрятала.

И тут он понял точно: она знает.

Не просто догадывается. Не просто «где-то видела». Знает.

Знает, каким было его лицо на огромных плакатах. Знает старые фотографии. Может быть, знает и ту историю — интернет-версию, грязную, удобную, где все роли давно распределены: она жертва, он красавчик-охотник, агентство молчит, зрители едят.

Он положил отвёртку на стол.

— Вы хотели поговорить о съёмке, — сказал он.

Ли́ка насторожилась.

— Да.

— Говорите.

Матвей не знал, зачем это делает. Может, потому что устал ждать, когда незнакомая женщина с камерой сама выберет момент. Лучше уж сейчас. При Асе. При деде. При барометре, который всё равно застрял между дождём и чем-то хуже.

Ли́ка достала из сумки папку. Не камеру. Это было в её пользу.

— Я снимаю цикл о ремёслах в маленьких городах. Рабочее название — «Умирующие ремёсла»...

— Только без слова «умирающие». Я не ремесло умирающее. Я человек временно живой, — возразил Савелий.

— Я сама его не люблю. Не рекламный ролик. Не сюжет «смотрите, как мило умирает старина». Мне важны руки, процессы, вещи, которые люди не выбрасывают. И причины, по которым не выбрасывают.

— А потом это где будет? — спросила Ася.

— Пока не знаю. Платформа обсуждается.

— То есть вы снимаете людей, не зная, где они окажутся?

Ли́ка поморщилась.

Попала.

— Поэтому я спрашиваю разрешение отдельно у каждого. И всё, что можно согласовать, согласовываю.

Матвей молчал.

Савелий вытащил из ящика коробку с крошечными винтами.

— Меня снимать можно.

Матвей резко посмотрел на него.

— Нет.

— Я сказал — можно.

— Дед.

— Я пока сам решаю, где моё лицо стоит, лежит и снимается.

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Ли́ка тоже это услышала. И Ася услышала.

— Хорошо.

— И без жалостливой музыки.

— Хорошо.

— И если снимете мои руки крупно, не разглаживайте морщины. Я их долго зарабатывал.

— Не буду.

— И Матвея не снимать.

Она повернулась к Матвею.

— Без вашего разрешения — нет.

Лица убрала папку обратно в сумку.

— Я зайду завтра? По поводу фотоаппарата и с документами по съёмке. Если вы передумаете — поговорим.

Матвей не ответил.

— До завтра, — сказала она.

Колокольчик звякнул за ней коротко и чисто.

Ася смотрела на дверь ещё несколько секунд.

— Она знает, кто ты, — сказала она.

Матвей вернулся к барометру.

— Все что-нибудь знают.

— Я не про это.

— Я понял.

— И что?

— Что?

— Ты теперь на всех людей с камерами будешь рычать, пока они не докажут, что не кусаются?

— Обычно они кусаются первыми.

Ася подошла ближе.

— Она хотя бы спросила.

— Это теперь подвиг?

— Для некоторых — да.

Он поднял глаза.

— Ты её защищаешь?

— Нет. Я пытаюсь понять, почему ты на неё злишься больше, чем на Ларису.

Имя Лары легло на стол между барометром и фотоаппаратом.

Савелий демонстративно начал перебирать винтики. Когда он делал вид, что не слушает, слышал особенно хорошо.

— Лариса пока не направляла на меня камеру.

— Ей не нужна камера. Она смотрит на твою мастерскую через кадастровую карту.

Он не нашёлся сразу.

Ася умела так: сказать вроде странно, а потом оказывалось — точнее не придумать.

— Ты знаешь что-то?

— Корнеева вчера была у главы отдела культуры. Говорила про «новую прогулочную зону», «современное пространство» и «бережное сохранение идентичности».

Савелий фыркнул.

— Когда говорят «идентичность», сразу прячьте кошельки и кирпичи.

— Её муж финансирует проект? — спросил Матвей.

— Его компания. Он сам вряд ли знает, где у нас тут что. Судя по лицу, он из тех мужчин, которые подписывают бумаги, чтобы жена перестала доставать.

Матвей вспомнил фотографию: мужчина в дорогой куртке, телефон у уха, взгляд в сторону.

— А она?

— Она знает.

— Что знает?

— Что именно хочет снести.

Савелий перестал перебирать винтики.

Мастерская будто стала меньше.

Матвей опёрся ладонями о стол.

— Ты пришла из-за барометра или из-за этого?

— Из-за барометра.

— А это?

— А это потому что я не люблю, когда люди делают вид, что случайно принесли спички к сухому сараю.

Он хотел сказать: не надо помогать. Не надо предупреждать. Не надо возвращаться в мою жизнь с барометрами, утренним морем и слишком меткими фразами.

Вместо этого сказал:

— Ты с ней общалась?

— Сегодня видела в коридоре администрации. Она меня не узнала.

— Тебя трудно не узнать.

Ася посмотрела на него чуть дольше.

— Это сейчас был комплимент?

— Нет. Наблюдение.

— Слабый прогресс, но засчитан.

Савелий поднялся из-за стола.

— Я пойду наверх. У меня от вас давление без барометра поднимается.

— Дед, ты обедал?

— Я старый, а не сирота.

— Это не ответ.

— Ответ: нет.

— Тогда я сейчас поднимусь.

— Не поднимешься. Ты барометр разбираешь. Ася, проследи, чтобы он не испортил музейную собственность и себе настроение. Хотя второе контролировать куда сложнее.

Савелий ушёл к лестнице, потом остановился.

— Матвей.

— Что?

— Фотоаппарат не обижай. Он не виноват, что люди им пользуются.

И поднялся наверх.

Ася молчала, пока наверху не хлопнула дверь.

— Он хуже? — спросила она.

Матвей взял тонкую отвёртку.

— Вчера забыл струбцину и назвал Артёма Кириллом. На прошлой неделе искал Марту в булочной.

Ася сняла пальто и повесила на спинку стула.

— Нашёл?

— Марту?

— Булочную.

Он посмотрел на неё.

Она не улыбалась.

— Нашёл. Булочную нашёл.

— А Марту?

— Нет.

Ася кивнула.

— Мама иногда спрашивает отца.

— Он же...

— Да.

Они помолчали.

Это было первое нормальное молчание за день.

Не такое, от которого хочется закрыть дверь, и не такое, где каждый ждёт, кто ошибётся первым. Просто молчание двух людей, которые знали: некоторые слова не чинят, а только проверяют, насколько глубоко треснуло.

Матвей отвернул первый винт на барометре.

— Почему ты плаваешь по утрам? — спросил он.

— А почему ты в помещении в капюшоне?

Винт сорвался с наконечника и укатился по столу.

Матвей не сразу его поймал.

— Это было обязательно?

— Да.

— Ты меня не знаешь.

— Знаю. Я знала тебя до Москвы.

— Вот именно.

Ася выпрямилась.

— А после Москвы ты никого к себе не подпускаешь. Очень удобная позиция: все виноваты, потому что знают старого тебя или не знают нового.

Он медленно положил отвёртку.

— Аккуратнее.

— А то что?

— А то я скажу что-нибудь лишнее.

— Ты одиннадцать лет не говорил ничего. У тебя там склад лишнего.

Слово «склад» кольнуло вчерашним.

У нас нет склада.

Лицо деда. Голый страх.

Матвей отвернулся к окну.

На улице дождь снова начинался. Мелкий, почти невидимый. Люди под ним сперва не раскрывали зонты, потом вдруг понимали, что уже промокли.

— Я не уехал от тебя, — сказал он.

Ася тихо рассмеялась.

— Конечно. Ты уехал в Москву от всего города, от бедности, от серых подъездов, от моря не в сезон, от деда, от себя. Меня случайно задело.

— Я был мальчишкой.

— Я тоже.

— Я не знал, как...

— Попрощаться?

Он молчал.

Ася взяла со стола сорванный винт и положила рядом с барометром.

— Это не обвинение, Ронин. Уже нет. Просто не делай вид, что исчезновение — это тоже форма деликатности.

Ему захотелось ударить кулаком по столу.

Не из-за неё. Из-за того, что она была права в той части, где ему было удобнее считать себя только пострадавшим.

— Ты утром сказала, что это ещё не начиналось, — сказал он.

— Да.

— Что именно?

Она посмотрела на барометр.

— Посмотрим.

Он всё-таки улыбнулся. Усталой, почти незаметной улыбкой.

Ася увидела. И на секунду в её лице что-то смягчилось.

Не прощение. До прощения было далеко.

Скорее воспоминание о том, что он умел улыбаться и раньше. Не на камеру. Не людям, которые требовали. Просто так, когда не успевал спрятаться.

Колокольчик над дверью звякнул в третий раз за час.

Матвей напрягся — почему-то решил, что это Лика вернулась.

Но на пороге стояла Зинаида Петровна.

В том же пальто, в том же берете, только теперь с пакетом из аптеки.

— Я не мешаю?

— Уже мешаете, — сказал Матвей.

— Хорошо. Значит, всё как обычно.

Она поставила пакет на стойку и вытащила пачку печенья.

— Это Савелию. У него сахар падает, когда он умничает.

— Он наверху.

— Тогда передашь.

Она посмотрела на Асю.

— Ты Ветрова?

— Да.

— На мать похожа. Только злее.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я поняла.

Зинаида Петровна одобрительно кивнула, будто Ася сдала маленький экзамен.

Потом посмотрела на стол.

— А мой звонок?

— В процессе.

— Что значит в процессе? Я деньги принесла.

— Вы уже оставили.

— Это за срочность.

— У нас нет срочности.

— Тогда за вредность.

Она положила на стойку ещё двести рублей.

Матвей взял купюру и вернул ей.

— Не надо. Звонок может не заработать.

Зинаида Петровна застыла.

— Может заработать, — добавил он. — Но не обещаю.

Она медленно убрала деньги в карман.

— А я и не просила обещать.

— Просили починить.

Она подошла к столу ближе. Посмотрела на звонок, на его внутренности, на тонкие провода, которые Матвей вчера до ночи раскладывал, как нервы.

— Я не дура, Матвей. Я понимаю, что сын не приедет, если оно зазвонит. И что квартира старая давно продана. И что этот звонок мне повесить некуда. Я всё понимаю.

Ася опустила глаза.

Зинаида Петровна усмехнулась.

— Но когда человек всё понимает, ему иногда всё равно хочется, чтобы хоть что-нибудь сработало.

Матвей ничего не сказал.

Именно поэтому он ненавидел чужие вещи.

Не за поломки. За то, что люди прятали в них больше, чем можно было починить.

— Я попробую, — сказал он.

Зинаида Петровна кивнула.

— Вот это уже другой разговор.

Она развернулась к выходу, но у двери остановилась.

— А та женщина с фотоаппаратом кто?

— Клиент.

— Смотри аккуратнее. У неё глаза такие, будто она слышит больше, чем ей говорят.

Ася тихо сказала:

— Очень точное описание.

— Я вообще не зря столько лет живу, — ответила Зинаида Петровна и вышла.

После неё осталось печенье, запах аптечных пакетов и тишина.

Матвей вернулся к столу.

— Тебе помочь? — спросила Ася.

— Ты же реставратор, а не мастер.

— А ты мастер или руки?

— Сегодня, кажется, козёл.

— Уже ближе к самопознанию.

Он протянул ей маленькую банку.

— Держи винты. Только не перепутай.

Они работали молча.

Не долго. Минут десять, может, пятнадцать. Но за эти минуты мастерская будто перестала защищаться. Часы тикали, дождь стучал по отливу, на столе лежали фотоаппарат, барометр и дверной звонок — три вещи, которым нельзя было доверять, но почему-то хотелось.

Ася держала банку с винтами, подавала инструмент, иногда спорила, если Матвей собирался сделать что-то, что могло не понравиться музейному акту. Он огрызался. Она огрызалась в ответ. Но в этом уже не было прежней злости. Ско-

рее старая привычка проверять, выдержит ли другой.

Барометр вскрыть удалось.

Внутри оказалось хуже, чем он думал.

— Ну? — спросила Ася.

— Плохие новости?

— Его уже не вернуть как было.

Она не ответила сразу. Взгляд ушёл на циферблат, на мутное стекло, на стрелку, застывшую между двумя состояниями.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что иногда хочется, чтобы кто-то другой это сказал.

Он посмотрел на неё.

Она говорила уже не только о барометре.

И он это понял.

Телефон на стойке завибрировал.

Матвей взял его, думая, что Денис опять прислал что-нибудь про Лару. Но сообщение было от неизвестного номера.

Здравствуйте, это Лика. Савелий Ильич дал мне номер мастерской. Я завтра занесу второй корпус. На детали. И ещё — я правда не буду вас снимать без разрешения.

Ниже, через несколько секунд, пришло второе:

И не буду произносить то, что вы не хотите слышать.

Матвей смотрел на экран дольше, чем нужно.

Ася заметила.

— Она?

— Да.

— Что пишет?

— По делу.

— Конечно.

Он убрал телефон экраном вниз.

— Не начинай.

— Я ещё даже не начала.

Ася сняла перчатки.

— Мне надо в музей. Барометр оставляю под расписку.

— Я думал, ты мне не доверяешь.

— Тебе — не доверяю. Но твоим рукам — да.

Это было слишком близко к чему-то важному. Он не успел спрятаться.

Ася увидела и не стала добивать.

Она надела пальто, взяла пустой ящик.

— Завтра утром пойдёшь?

— Куда?

— К морю.

— Оно твоё, забыла?

— Море большое.

Он усмехнулся.

— Мужчины всегда так говорят.

— Тогда приходи раньше и займи честно.

Она вышла, и колокольчик звякнул мягче, чем обычно.
Матвей остался один внизу.

Савелий наверху включил радио — старое, шипящее, с песнями. В мастерской пахло паяльником, дождём, печением Зинаиды Петровны, металлом барометра и чужим фотоаппаратом.

Матвей подошёл к столу.

Фотоаппарат Лики лежал рядом с дверным звонком. Он взял его в руки, уже без перчаток. Тяжёлый. Холодный. Не виноватый.

Савелий был прав.

Фотоаппарат не виноват, что люди им пользуются.

Матвей нажал на спуск.

Затвор щёлкнул с задержкой, неровно, но всё-таки щёлкнул.

— Живой, — сказал он.

Не ясно было, кому.

Вечером Лика сидела в маленьком номере гостиницы «Прибой», где в коридоре пахло хлоркой, жареным луком и старым ковровином. За окном шумело море, но его не было видно — только кусок мокрой крыши и вывеска шашлычной, которая мигала через одну букву.

На столе лежал второй корпус фотоаппарата, блокнот, зарядка для камеры, папка с разрешениями и телефон.

Глеб звонил четыре раза.

Она не перезвонила.

Сначала Лика открыла ноутбук, чтобы написать план съёмочного дня. Так было правильно. Сначала структура, потом сомнения. Сначала ремесло, потом люди. Сначала Савелий Ильич: руки, журнал, мастерская, звук часов, дверной звонок, фраза «Я человек временно живой».

Но вместо документа она открыла поисковую строку.

Несколько секунд смотрела на пустое поле.

Потом набрала:

Матвей Ронин

Подсказки появились сразу.

Она не удивилась.

Лика помнила это лицо ещё до того, как увидела его сегодня в мастерской. Восемь лет назад оно висело над Садовым кольцом, смотрело с витрин, с баннеров, с обложек, из рекламы, где мужчинам предлагали быть безупречными, а женщинам — хотеть безупречных мужчин. Тогда у этого лица не было голоса. Только скулы, тень на шее, дорогая рубашка и взгляд, придуманный кем-то за него.

Сегодня это лицо стояло у окна спиной к улице, пряталось в капюшон и злилось на четырнадцатилетнего мальчика с телефоном так, будто тот держал нож.

Лика нажала Enter.

Первые ссылки были старыми.

Скандал. Агентство. Слитые фото. Чужая жена. Мальчик с билборда. Карьера закончилась. Версия, которую интернет уже давно прожевал, высмеял и забыл.

Она не открыла ни одну.

Просто смотрела на выдачу и чувствовала, как внутри поднимается знакомое профессиональное возбуждение — самое мерзкое из всех. Когда понимаешь: вот оно. История. Лицо. Тайна. Боль. Конфликт. Спасение мастерской. Старик с деменцией. Бывшая звезда, которая прячется от камер. Женщина из музея. Девелопер. Море не в сезон.

Лица закрыла ноутбук.

В тёмном экране отразилось её лицо: усталое, городское, тоже не до конца своё.

— Не трогай, — сказала она себе.

Но знала: уже тронула.

На следующий день она всё равно пойдёт в мастерскую.